УДК 94(47)046 /047+39

Л.И. Шерстова

АБОРИГЕННАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В СИБИРИ: ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В XVII в.

Рассматривается проблема определения сущности русско-аборигенных отношений исходя из взаимодействия аборигенных социумов и русских властей. Делается вывод о том, что успешному продвижению русских по Сибири способствовало наличие как в аборигенном, так и в русском обществах тождественных социально-политических институтов, возникших под влиянием центрально-азиатских (ордынских) политических традиций. Это обстоятельство обеспечило быстрый синтез социально-политических институтов местного и пришлого населения.

Ключевые слова: Сибирь; аборигены; Москва; политика; синтез.

Вхождение сибирских этнических общностей в состав Московского царства во многом предопределило их дальнейшее социально-экономическое и этнополитическое развитие и, в конечном итоге, сформировало современную этническую карту Сибири. Проблема присоединения Сибири тесно связана с вопросом о характере включения аборигенного населения в состав Московского царства. Понимание противоречивости этого процесса, соотношения на разных этапах и применительно к разным этносам мирных и военных способов подчинения не помогает ответить на вопрос, почему это произошло столь быстро. Не существовало ли еще каких-либо дополнительных условий, способствовавших такому стремительному продвижению русских по Сибири? Этот вопрос приобретает еще большую глубину и важность, если соотнести его с ходом освоения Нового Света.

Еще Г.В. Вернадский, сравнивая «русское движение на восток» и «движение англосаксов на запад по американскому континенту», отмечал, что «оба эти движения начались примерно в одно время. Поход Ермака произошел почти синхронно с первым поселением американцев на острове Роанок… Однако русское распространение в Сибири было более быстрым, чем американское продвижение к Тихому океану» [1. С. 129–130]. Не менее существенным представляется и тот факт, что, как замечено М.А. Деминым, в Сибири «лексика служебных документов XVII в. носила нейтральный характер, не сопровождалась оценочными эпитетами. Она способствовала налаживанию делового взаимодействия различных категорий сибирского населения и не вызывала враждебно-негативных ассоциаций. Неслучайно в народном сознании впоследствии утвердилось представление о мирном характере приведения зауральских обитателей к покорности» [2. С. 130].

Об этом же свидетельствуют даже те исследователи сибирской истории, которые акцентировали в своих трудах военный характер присоединения Сибири. П.Н. Буцинский констатировал «полнейшее общение между завоевателями и покоренными», отсутствие вражды и полное житейское сближение русских и туземцев. А.П. Щапов, П.М. Головачев, С.В. Бахрушин фиксировали заметное влияние аборигенов на культуру русских сибиряков и обыденность «русско-туземных браков». В.А. Александров признавал, что переселенцы в короткие сроки стали органической частью всего сибирского населения [3. С. 64].

Такое взаимотерпимое в целом состояние разнородного сибирского общества не могли сколько-нибудь серьезно изменить даже целенаправленные попытки церкви, особенно после приезда в 1621 г. в Тобольск архиепископа Киприана, конфессионально противопоставить русских-православных аборигенам – «идолопоклонникам» или «бусурманам». Для достижения этой цели церковь пробовала использовать и даже культивировать недавнюю традицию сибирского летописания (особенно Есиповскую летопись), но не встретила понимания со стороны сибиряков [4. С. 92]. Столь же непонятным оказалось намерение канонизировать Ермака Тимофеевича как борца против «бусурман». Боле того, конкретные события похода Ермака и взятия Кашлыка вскоре выпали из памяти широких слоев сибирского населения или обросли массой мифологических подробностей, причем не столько среди русских, сколько среди аборигенов [5. С. 18–20]. Данные обстоятельства не позволили в XVII в. сформулировать идеологическую программу «Сибирского взятия» и покорения туземцев [2. С. 92].

Постоянное расширение русскими территории обитания, за которым не поспевал естественный рост численности этнопопуляции, и включение в нее все новых неславянских этнических компонентов препятствовали прочной внутренней консолидации русского этноса, постепенно размывая его, создавая все новые, достаточно нестабильные этнолокальные группы и не позволяя, таким образом, «замкнуться на себе и в себе». Следствием процессов миграции, аккультурации и ассимиляции стали нечеткие этнографические признаки, обилие региональных специфических культурных черт и довольно аморфное этническое самосознание. В сознании людей XVI–XVII вв. и даже позднее понятие «русский» было равнозначно категории «православный» [6. С. 8], т.е. собственно этническая идентификация подменялась конфессиональной и подкреплялась последней. Это обстоятельство является наглядным выражением незавершенности этнической консолидации великороссов, свидетельством отсутствия в этнониме жестко определенного внутреннего национального содержания накануне их прибытия в Сибирь. Последнее обусловило отсутствие пренебрежения, высокомерия, ненависти к «чужим», нерусским народам. Ксенофобия (во всяком случае по отношению к сибирским аборигенам) не являлась и не могла являться ментальной чертой русских периода освоения Сибири. Оказавшись в Сибири, великороссы принесли туда евразийское этногенетическое и субстратное наследие, которое ментально не противопоставляло их этносам Северной Евразии, не предполагало «национального высокомерия» по отношению с ним.

В свою очередь, подавляющее большинство народов Сибири также являлись «открытыми», т.е. не обла-

дали отчетливым этническим самосознанием, внутренне были слабо консолидированы и на ментальном и бытовом уровнях также не были склонны к этническому противопоставлению себя всем остальным, неприятию и априорной враждебности ко всем «не нашим» [3. С. 58]. Это обстоятельство снимало напряженность первых контактов и создавало условия для дальнейшего взаимодействия.

Исследуя ход колонизации Великой Евразийской равнины сначала славянами, а потом и великороссами, П.Н. Милюков связал все его этапы в единой процесс и пришел к выводу о том, что переход русской экспансии через Урал в Сибирь знаменовал собою «естественное завершение колонизации» [7. С. 470–488]. Одновременно «народная колонизация» Сибири подкреплялась амбициозными планами первых московских царей, которые, внешне не афишируя, на деле ощущали себя правопреемниками монгольских ханов, в частности Золотой Орды.

Относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н.М. Карамзин, евразийцы), до отрицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С.М. Соловьев, Б.Д. Греков). Можно согласиться с Г.В. Вернадским в том, что проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна, а также с тем, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия» [8. С. 340–342]. В связи с этим показателен факт основания в 1452 г. вассального от Москвы татарского княжества в Касимове, что продемонстрировало стремление Москвы принять на себя роль наследника Золотой Орды.

Еще более показателен факт приема в 1555 г. Иваном IV сибирского хана Едигера Тайбугина и принятие его «Сибирской земли в холопство» [9. С. 18]. Это означало, что Иван Грозный сознательно претендовал после завоевания Казанского и Астраханского ханств и добровольного подчинения ханства Сибирского на оставшуюся территорию Джучиева улуса. В связи с этим население Сибири a priori рассматривалось как наследственное владение (улус, вотчина) московского царя, а предпринятые по отношению к Кучуму меры диктовались всего лишь стремлением «вернуть захваченное узурпатором» владение, примерно наказав «воровского царя-изменника». То, что Иван IV расценивал себя «наследником» Золотой Орды, весьма существенно повлияло на восприятие обитателей Сибири как на подданных Москвы «испокон веков». Отсюда проистекал государственный патернализм в форме «государевой» заботы о них.

По мнению московских властей, надлежало всего лишь «подвести под высокую руку государеву» якобы «отпавших» сибирских аборигенов, т.е. ввести их в податную и социальную структуру государства. Учитывая, что первоначально не было сведений о границах земель «за Камнем», их соотносили с территорией Сибирского ханства, рубежи которого, по мере продвижения русских, все дальше отодвигались на восток. Но так как все народы Сибирского ханства (Сибирь) – присоединенные и неприсоединенные – заведомо «подданные», с ними следовало обходиться «ласково, а не неволею и не жесточью», дабы не нанести ущерба собственному государству и лично «великому государю». Воевать дозволялось только с «изменниками, которые учнут ослушатися и государева ясаку не учнут платить… поиск над ними чинити и промышляти и битце с ними» [10. С. 140–141]. Русские служебные документы пронизаны непререкаемой установкой: «изменниками», «непослушниками» называются не только уклоняющиеся от подати, но и новые, еще не объясаченные волости.

Таким образом, в государственном понимании «покорение» Сибири сводилось к ее «возвращению» в подданство московского государя, прежде всего к механическому, желательно поголовному объясачиванию коренного населения. При этом бегство ясачных, уклонение от выплаты подати и разного рода «налоговые лукавства» не воспринимались как нечто необычное в их поведении. Социально-психологический климат той эпохи во взаимоотношениях власти и населения был тонко подмечен С.М. Соловьевым: «гоньба за человеком, за рабочею силою производится в обширных размерах по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бегут от тягла всюду, куда только можно... гоньба за крестьянами, которые от тяжких податей бегут розно, толпами, идут за Камень; помещики гоняются за своими крестьянами, которые бегут…» [11. С. 43]. Добавим сюда и гоньбу служилых людей за ясачными – погоню, логично и органично вписывающуюся в общеисторическую канву России XVI–XVII вв.

Вместе с тем ордынское наследие выражалось не только в ментальных установках московских царей или в общем духе московской государственности, но и в наличии конкретных экономических интересов, потребностей, устремлений. Тезис о том, что государственные интересы Московского царства в Сибири напрямую были связаны с ясаком (пушной податью), не вызывает сомнений. Из этого проистекало два основных направления аборигенной политики государства не только в XVII в., но и позже. Во-первых, постоянный строгий учет податного контингента и, соответственно, принятие таких мер, которые способствовали бы не только сохранению численности последнего, но и ее росту. Это явствует, например, из «Наказа» Бориса Годунова первым томским воеводам: «полнить волости». Во-вторых, защита ясачных людей не только от их прежних владельцев, но и от произвола и злоупотреблений местных воевод, служилых и промышленных людей. Эта «забота» объясняется разумно-прагматическим государственным интересом, т.е. прежде всего той исключительной значимостью, которую сибирский ясак получил в наполнении государственной казны. В царствование Федора Иоанновича пушнина заняла важнейшее место во внешней торговле и дипломатии: за границу отправляли мехов на сумму 400–500 тыс. рублей ежегодно.

Сибирское коренное население отчетливо понимало суть даннических отношений и содержание «института господства-подчинения». Данниками-кыштымами си-

бирских ханов были вогульские, остяцкие княжества: Пелымское, Кондинское, Кодское, а также аморфное тюркоязычное население лесостепной и степной зон от Урала до Оби. Именно под влиянием сибирских ханов у манси и хантов население в административно-фискальном отношении делилось на сотни и десятки, при этом сотня являлась условной величиной без всякого соответствия с реальным количеством входящих в нее людей [12. С. 100–101]. Главным было само наличие тех, кто платил ясак в Кашлык.

Формирование дорусской фискально-административной организации сибирских аборигенов связано не только с Сибирским ханством. В Западной Сибири ее функционирование происходило в рамках княжеств енисейских киргизов и монгольских государственных образований ойратов (Джунгарское ханство) и хотогойтов (Алтын-ханы). В Восточной Сибири кыштымские волости имели «браты» [13. С. 383]. В Пегой Орде нарымских селькупов существовали два вида платежей, поступавших маргкоку (великому князю): «калан» – налог, подать и «ерменты» – дань. Первый платили подданные маргкоков, а для плательщиков дани, как правило, завоеванных великими князьями, существовал особый термин «инбат» – данник. Инбатами правителей Пегой Орды являлись отдельные группы северных кетов (возможно, как раз с этим связан этноним одной из северокетских общностей), некоторые группы туруханских эвенков, отдельные общности келыты-ненцев, а также часть васюганских хантов [14. С. 159].

Мелкие тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья и Северного Алтая являлись кыштымами енисейских киргизов. В Прибайкалье буряты собирали дань с южных тунгусов, и русские застали здесь волости Гейскую, Ийскую, Верхнеокинскую и др., исправно платящие алман бурятам [15. С. 130–131]. Сами тунгусы взимали дань с кетских групп правобережья Енисея и периодически проникали к тюркоязычным качинцам, иногда заходили в Нарымское Приобье. Данниками якутских тойонов были отдельные тунгусские и ламутские группы. Ненцы, проникая в земли обдорских хантов, также стремились собрать с них дань; те в свою очередь пытались обложить данью манси и селькупов. Даже на северо-востоке Сибири в юкагирской среде [15. С. 170], а также у коряков и чукчей создавались условия для образования военных объединений [16. С. 31].

Таким образом, за исключением народов крайнего северо-востока Сибири, особенно чукчей, «не способных, – как отмечает А.С. Зуев, – понять, а тем более принять новую для них систему социально-политических отношений, навязанную русскими и построенную на господстве-подчинении» [17. С. 349], большинство сибирских этносов с пониманием встретили ясачные устремления Москвы.

Проблема русско-чукотского взаимодействия была связана, с одной стороны, с неразвитостью у чукчей потестарных структур и отсутствием опыта данническихотношений, а с другой – с достаточно далеко зашедшей их внутриэтнической консолидацией, что объективно усиливало межэтническую оппозицию «свой – чужой». Потому в этом регионе противостояние аборигенных народов и русских осуществлялось как на социально-политическом и экономическом, так и на этническом уровне, что и придало им остроту и бескомпромиссность.

Следует также отметить, что у большей части сибирских народов широко распространены предания, в которых в основе сюжета лежат представления о цикличности мироздания и течения времени, о том, что каждый временной цикл соотносится с каким-то народом и с определенным типом ландшафта. Изменение этнического состава населения (во многих легендах – появление русских в Сибири) якобы сопровождалось появлением новых природных явлений, в частности сменой ландшафта. Ярким примером таких умонастроений являются, например, «чудские легенды», широко распространенные как у сибирских аборигенов, так и у русских. В них нашли выражение архаичные представления о слитности Социума и Космоса, неизбежности социальных (этнических) и природных изменений и жесткой взаимообусловленности этого процесса.

Такая ментальная установка помогала сибирским аборигенам легче адаптироваться в новых социальных и политических условиях, приспособиться к иному этническому окружению. Она отражала на бессознательном уровне богатый опыт межэтнических контактов, приобретенный ими задолго до встречи с русскими. Приход русских в Сибирь не противоречил цикличному восприятию Вселенной, свойственному аборигенам, а значит, изначально не настраивал их враждебно. Русский этнос, таким образом, не воспринимался ни как что-то экстраординарное, ни как нечто сверхопасное. Он был органичной частью меняющегося мира, и поэтому его восприятие было безболезненным. Имея богатый опыт межэтнических контактов и разнообразных культурных связей, аборигены восприняли русскую колонизацию как естественное появление на сибирской земле еще одного этноса, в котором не усматривали ничего необычного

Именно этой особенностью мировосприятия объясняется факт почти повсеместного изначального согласия основной массы сибирских аборигенов на выплату русским ясака. Кроме отмеченных факторов, способствовавших быстрому и результативному продвижению русских по Сибири и обложению аборигенов ясаком, следует отметить и то, что политический и социальный статус, который предлагала Москва, большинству сибирских этносов был понятен, привычен и не унизителен.

Перед русской администрацией стояла задача фискальной и политической переориентации уже зависимого, обложенного алманом населения. То, что эта часть населения, особенно в Южной Сибири, давно была организована на основе каких-то принципов, подтверждается устойчивостью податных единиц, ставших уже русскими волостями в XVII в. и в определенной степени в последующие периоды. Безусловно, одним из принципов их организации являлась оптимальная численность населения. Так, в чулымских волостях Томского уезда в течение всего XVII в. она не превышала 10 человек (учитывались, как помним, только дееспособные мужчины – плательщики ясака). По мнению З.Я. Бояршиновой, тягловой единицей была семья, а «ясачная волость... чрезвычайно напоминает территориальную общину, в

которой наряду с родственниками могли быть и “друзья”» [18. С. 82–83]. Тогда «князец» русских документов XVII в. не кто иной, как глава такой большой семьи-патронимии, которая могла сохраняться в различных политических условиях и при различных социально-экономических укладах доиндустриального общества на протяжении столетий, являясь естественным податным организмом.

Если ясачные волости образовывались в рамках достаточно многочисленных и устойчивых этнотерриторильных общностей, то для удобства сбора ясака их дробили на более мелкие образования – собственно волости. Так, в пределах «Кузнецкой землицы» в верховьях Томи были выделены Бежбоякова, Едеева, Кугодеева волости. «На территории селькупской Пегой Орды, – сообщает Г.И. Пелих, – первоначально был образован единый “Сургутский уезд”, включавший в себя территории от Притомья до Сургута. Затем началось внутренне административное деление его на волости… Сын былого правителя Пегой Орды Тайбохта Вонин получил в управление небольшую Верхне-Подгородную Нарымскую волость, а Нижне-Подгородная Нарымская волость была отдана Вангаю Кичееву, сыну Кичея, предавшего его былого князя Воню и получившего от русских в 1602 г. Пегую Орду. После смерти князца Бардака, так помогшего русским покорить Пегую Орду, из его владений было образовано две волости: Аганская (Бардакова) и Тром-Аганская» [14. С. 20, 169]. Успешному функционированию создаваемой русскими ясачной системы способствовала давно воспринятая московской властью центрально-азиатская традиция государственного устройства через улус.

Под этим термином и в Золотой Орде, и в русском государстве XVI–XVII вв. подразумевалась не столько территория как таковая, сколько «владение, народ, данный в феодальное держание» [10. С. 118], что как нельзя лучше подходило Сибири с ее подвижным населением, где улус как форма социальной организации был известен задолго до прихода русских. Следовательно, в некоторых случаях русские власти использовали уже имевшуюся фискально-административную структуру аборигенных обществ, переориентировав ее на свои нужды и заменив (и то не всегда) название «улус» на «волость». В других ситуациях русские вынужденно создавали податные единицы по улусному принципу. Главным же оставалось то, что податная единица определялась не территориально, тем более что в Сибири XVII в. невозможно было ограничить передвижки населения, а наличием податных душ (ясачных), приписанных к определенному острогу или городу. Таким образом, волость, «землица», «улус», «род» – это не столько территориальные или этнические образования, сколько административно-фискальные единицы даннической системы Московского царства в Сибири.

Основное государственное стремление московской власти в XVII в. – усиленный «поиск» все новых тяглых людей, расширение до максимума контингента «обязанных». Конечный результат этого «поиска-гоньбы» – стремление «привязать» к государству какой-либо повинностью или обязанностью наибольшее число подданных. Этот процесс развернулся по всему Московскому царству, где в XVI–XVII вв. интенсивно формировалась сословная структура. В Сибири это наглядно выразилось в стремительно-целенаправленном объясачивании коренного населения и в привлечении, особенно на начальном этапе, части аборигенов на военную службу. В условиях, когда русским не хватало собственного воинского контингента, широко использовался потенциал местных князцов при сохранении за ними их прежних владений и замене ясака военной службой.

Сибирская политика московских властей полностью вписывалась в общегосударственную политику Московского царства XVII в., сохранявшую многие ордынские черты. Как и в центрально-азиатских государствах, особенно в период их становления, важным было не столько завоевание новых земель, сколько умножение числа зависимого населения – данников (албату, кыштымов, ясачных), а также расширение военного сословия. Москва, сохранявшая память об улусе ордынского времени как об административно-фискальной единице даннической системы, способствовала его сохранению у части сибирских народов, которые уже были включены в нее в рамках местных государственных и потестарных образований либо находились в сфере влияния монгольских государств.

Более того, зная единственную форму взаимоотношений с покоренными народами (опять же влияние Орды) через дань, московская власть распространила эту систему на те народы Сибири, у которых не существовало каких-либо податных единиц, что приводило к их массовому сопротивлению (бунты коряков, юкагиров, ительменов, русско-чукотские войны первой половины XVIII в.).

Внешние политические формы вхождения сибирского населения в состав Московского царства ограничивались не только «приведением под высокую руку государеву» и ясачным обложением, но и принесением ему клятвы верности (шертованием), закреплявшейся обычно взятием в русские города и остроги родственников местной правящей верхушки в качестве заложников-аманатов. По сути, Москва обозначила в Сибири – причем немедленно и одновременно – три основных принципа социально-административной и аборигенной политики: шерть, ясак и аманатство. Причем от аборигенов требовалось, чтобы клятва на подданство московским правителям приносилась по обычаям, принятым у них. Но, во-первых, эти формы государственной зависимости были издревле известны по всей Центральной Азии и функционировали в дорусской Сибири. Во-вторых, в самой российской государственности они появились под влиянием Золотой Орды, прямо сказавшись в период ее сложения. Действительно, переписи населения, сбор дани руками баскаков, а чаще местными князьями, сохранение монголами статуса правящих князей при условии принесения ими присяги на верность монгольским ханам и получение взамен ярлыка – права на княжение; участие в военных походах монголов; долговременные обязательные пребывания князей или их родственников в Сарае, Каракоруме, а то и просто «в затворе у баскака», т.е. то же аманатство. Страх постоянных, порой беспричинных, набегов

ордынцев и т.д. – все это общеизвестные явления российской истории XIII–XIV вв. В Сибири эти же формы взаимоотношений правителей и подданных как бы «ожили», но их проводниками явились уже русские власти.

Следует отметить, что особенно в начале русско-аборигенных контактов (за редким исключением) сибирские аборигены, тем более чьи-то кыштымы, как правило, в ясаке русским не отказывали, так как система данничества сохраняла здесь форму архаического дарообмена. С самого начала доставка ясака в русский город или острог обязательно сопровождалась раздачей подарков – кафтанов, шуб, тканей, всего, кроме оружия, а также совместными пирами служилых и ясачных людей. В «Наказе» царя Бориса Годунова томским воеводам не раз предписывается при встречах с князцами, «лучшими людьми» и простыми ясачными, а тем более при их шертовании и получении от них ясака «и самим бытии и служилым людям велети бытии в цветном платье». Одаривая обильно всех, «предавшихся под руку государеву», устраивая коллективные угощения [10. С. 139], власть демонстрировала свое богатство. Красивая, яркая одежда, пышное пиршество, полуобрядовая обстановка несли в себе глубокую смысловую нагрузку, символизируя силу и мощь устроителей церемонии, а через них и Московского царства вообще.

Вышесказанное явилось следствием евразийского начала как в этногенезе русского этноса, так и в политическом наследии Московского царства. Поэтому с административно-фискальной и политической точек зрения последнее ничего нового, неожиданного предложить сибирским аборигенам не могло. Большая их часть вполне комфортно жила в подобных государственно-податных системах, во всяком случае в Западной и Южной Сибири. Именно привычностью предлагаемого социального статуса и форм зависимости объясняется та относительная легкость, с которой происходило присоединение Сибири.

XVII в. был противоречивым периодом в русско-аборигенных отношениях. С одной стороны, имелись объективные факторы, способствовавшие достаточно легкому вхождению части народов в состав Московского царства; с другой стороны, часто возникали и непреодолимые препятствия. Важно понимать, что как русский этнос и государственность, так и сибирские аборигены и их общество к этому периоду прошли достаточно сложный путь развития. Москва принесла в Сибирь единственную известную ей форму государственных отношений в виде даннической системы, но последняя была знакома многим сибирским народам задолго до прихода сюда русской власти. Это было общее евразийское политическое наследие, которое Москва, трансформировав, переняла у Золотой Орды, а сибирские народы (или их субстраты) познакомились задолго до этого, находясь в составе центрально-азиатских государств эпохи древности и Средневековья. Москва не могла принесли в Сибирь готовую сословную структуру, так как в это время еще шло ее формирование, но она продемонстрировала принципы организации общества, согласно которым, как писал С.Ф. Платонов, «каждое сословие… определяло свое государственное положение тем или другим видам государственной повинности, а не составом своих прав… Дворянство было прикреплено к службе, посадское население… к тяглу (подати), а по тяглу к той общине, вместе с которой посадском приходилось платить. Крестьяне были прикреплены к земле, с которой платили подать, и к лицу землевладельца» [19. С. 509].

Исходя из потребности государства, для сибирских аборигенов были определены вид тягла – ясак – и приписка к ясачным волостям (улусам, землицам, родам). Таким образом, они заняли свое место в сословной структуре Московского царства, в основе организации которого лежал сословный принцип. Это было следствием слабой консолидации русского этноса и изначального формирования Российского государства как полиэтничного, в котором национальная принадлежность подменялась сословной. В этом принципиальное отличие Московского царства от одновременно существовавших с ним государств Западной Европы, в которых также заканчивались процессы централизации, однако они формировались и как моноэтничные страны. Следствием этого была невозможность создания российской властью на базе собственных политических традиций такой государственной системы, в которой бы метрополия противостояла колонии.

При взаимодействии московской социально-политической системы с местными государственными или потестарными структурами в XVII в. происходил их синтез, который облегчался общим евразийским наследием «взаимодействующих сторон». Поэтому Сибирь XVII в. воспринималась властью как составная часть Московского царства, как часть «царской вотчины, улуса», а ее коренное население – как непременный элемент русского общества. Это ярко выражалось во время социальных потрясений и проявилось, например, в томском бунте 1647–1649 гг. Как писал Н.Н. Покровский, «всесословная община, восставшая против насилия воеводской власти… состояла из служилого, посадского и крестьянского миров, которые быстро смогли привлечь на свою сторону… организации аборигенного общества… поэтому слова документа (челобитной. – *Л.Ш.*) о том, что томичи отстранили воеводу от власти “всем городом, всем миром”, вполне соответствовали реальности» [20. С. 86]. Благодаря «евразийским чертам» средневековой российской государственности и «открытому» состоянию русского этноса, как впрочем, и большинства сибирских народов, в отношении аборигенов отсутствовали изоляционистские настроения и не проводилась политика, отграничивающая их от остального русского населения. Ментально-правовая же подмена этнической принадлежности сословно-податной привязкой неизбежно ускоряла их инкорпорацию в формирующийся общероссийский общественный организм, создавая предпосылки для их дальнейшего развития в рамках российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернадский В.Г.* Русская история. М., 1977.
2. *Демин М.А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. Санкт-Петербург ; Барнаул, 1995.
3. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.
4. *Бахрушин С.В.* Сибирские летописи // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1.
5. *Небольсин П.* Покорение Сибири. СПб., 1849.
6. *Русские* / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1997.
7. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 2003. Т. 1.
8. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. М., 2001.
9. *Щеглов И.П.* Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. 1032–1882. Иркутск, 1883.
10. *Пугачев А.* Древнейший документ о нашем городе. Томск, 1946.
11. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VII, т. XIII.
12. *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 11.
13. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1.
14. *Пелих Г.И.* Селькупы XVII века : очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981.
15. *Этническая* история народов Севера / под ред. И.С. Гуревича. М., 1982.
16. *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.). Новосибирск, 2009.
17. *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Томск, 1950. Т. 112.
18. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
19. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1996.
20. *Покровский Н.Н.* Томск. 1648–1649. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 ноября 2012 г.